

Васильки

У Бога глаза цветут васильками, а небо – открытый Храм.
Вчера я Бога встретил на облаке. Честное слово, мам.
Там очень светло и очень спокойно. Бог засекает пашни.
И умирать не страшно, кажется. А, кажется, жить страшно.

Страшно было сидеть в подвале и хоронить соседа,
Страшно было бы терять землю, впитавшую кровь деда.
Страшно было с гуманитарной помощью не добраться,
Когда по дороге, во время обстрела, разбили машину и рацию.

Я так и сказал Богу. Он кивнул в ответ и улыбнулся, мама.
Я к нашим в окоп просился, я рвался с неба упрямо.
Бог отпустил на время, чтоб я до утра в рукопашной
Бился и знал – умирать не страшно, сдаваться страшно.

И плотные тучи-снаряды падали мне на плечи,
И пыльный, кровавый закат догонял и врага, и вечер.
А Бог кричал: «Русский солдат, ничего не бойся!
Теперь, мой сын, для тебя все это Небесное войско».

А я сейчас, мама, сильнее и выше. Я стерегу планету.
Я теперь мама, воин мира и воин белого света.
С Богом, ты знаешь, мама, мы победим однажды,
И зацветут в полях васильки, и больше не будет страшно.

Завтра ты тоже выживешь

Я превратилась в слова молитвы, которую Бог слышит.
Я теперь больше моря, суженый. Я теперь неба выше.

Крепче окоп и бронжилетов, громче огня снарядов.
Этой молитвой тебя отыскала. Чувствуешь, здесь я, рядом?!

Солнцем твои обняла я плечи – лучами, как покрывалом.
Ты же вчера выжил, суженый! Это я тебя согревала.
Ливнем пробилась и каплями смысла с лица твоего усталость.
Ты же вчера выжил, суженый! Это радугой я улыбалась.

Стала стеной, ветром развеяла все минометы и дроны.
Ты же вчера выжил, суженый! В кармане твоём иконой
Я буду лежать. Я буду любить. Буду снова молитвой –
Завтра ты тоже выживешь,
Завтра ты тоже выживешь,
Завтра ты тоже выживешь и победишь в битве.

Молоко

Он однажды оставил её совсем –
Звали трубы медные. С этим, с тем.
А реальность домашних панельных стен –
Это быт. Это узы, обуза, плен.

Но муку она сыпала на хлеба́
И шептала: «Храни же его, судьба».
А мечты её – солнце, смола весны,
И в объятья, что ласковы и тесны.

Улетали в вечность за днями дни.
Жили-были то с кем-то, а то одни.
За свободу цена – из безвкусья ночь,
Отражают звёзды тоску точь-в-точь.

Он вернулся внезапно, не постучал.
Трубы согнуты. Светел их стен причал,
Потому что в доме её рукой
Тесто месится нежностью с молоком.

Если впустит и если его простит
Глаз серебряных солнечный гематит –
Он и псом будет счастлив сидеть у ног,
Оттого, что в доме их только Бог.

И она впустила. О чём болеть?
Согревают в зиму не хлеб и медь,
А те самые, жаркие, что тесны,
И на смятые простыни льются сны.

Майский мед

От ангины лечишь мёдом из мая и молоком.
Янтарями цветут деревья в осеннем лете.

Город мой, листвою зацелованный, далеко.
В нём троллейбус, умытый ливнями, в детство едет.

В этом месте всё проще: люди, дома, мечты.
Поезда мчат мимо, утро встречая чаем.
Здесь озябшие ночи, ангина, ковыль и ты,
Здесь зачем-то я. И зачем-то опять в начале

Долгой осени. В тихом, чужом краю
Одуванчик, тобой я сорванный, у вокзала.
Ты прости, но майский, кажется, не люблю.
Всё пройдёт. Подуй, чтобы легче обоим стало.

Снег

Нам удастся встречаться теперь во сне –
Это всего быстрее и всего честней.
Хлопьями валит снег, чтоб назло весне.
Эту погоду задумала я из противоречия.

Холодно вместе не будет. Проснусь – уйду.
Опытом называю теперь беду,
Мне не упасть бы лавируя да по льду.
Время обманывает, значит, лечит.